

**В. И. Покровский**

**Сокращенная историческая  
хрестоматия : пособие при  
изучении Русской  
словесности для учеников  
старших классов  
среднеучебных заведений**

**Часть 1**

Москва  
«Книга по Требованию»

УДК 93  
ББК 63.3  
В11

В11 **В. И. Покровский**  
Сокращенная историческая хрестоматия : пособие при изучении Русской словесности для учеников старших классов среднеучебных заведений: Часть 1 / В. И. Покровский – М.: Книга по Требованию, 2022. – 527 с.

**ISBN 978-5-517-83705-9**

**ISBN 978-5-517-83705-9**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

[www.samizday.ru/reprint](http://www.samizday.ru/reprint)



## ОГЛАВЛЕНИЕ.

### НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

	<i>Стран.</i>
Лычческая религія русскіх славянъ, <i>Забьлина</i> . . . . .	1
Праздники лычческихъ славянъ, <i>Костомарова</i> . . . . .	10
Святѣища и обряды лычческаго богослуженія славянъ, <i>Срезневскаго</i> . . . . .	18
Борьба началъ свѣта и тьмы по воззрѣніямъ славянъ, <i>Аванасьева</i> . . . . .	24
О поэзіи, <i>Бодлискаго</i> . . . . .	29
Значеніе народной поэзіи, <i>Буслаева</i> . . . . .	31
Значеніе народныхъ пѣсень, <i>Костомарова</i> . . . . .	32
Природа въ поэзіи, <i>его же</i> . . . . .	33
Отношеніе европейскіхъ народовъ къ народной поэзіи, <i>его же</i> . . . . .	35
Періоды въ развитіи народной словесности, <i>Порфирьева</i> . . . . .	36
Коляда, <i>его же</i> . . . . .	39
Красная горка и Радунѣца, <i>Сахарова</i> . . . . .	41
Семикъ, <i>Соловьева</i> . . . . .	44
Семикъ, <i>Снегирева</i> . . . . .	45
Семикъ, <i>Сахарова</i> . . . . .	47
Купальскія травы, <i>Тереценько</i> . . . . .	48
Ярила, <i>Ефименко</i> . . . . .	49
Троицкнй день, <i>Сахарова</i> . . . . .	51
Свадебные обряды и пѣсни, <i>Сумцова</i> . . . . .	53
Бытовые пѣсни, <i>Караулова</i> . . . . .	55
Свадебныя пѣсни, <i>Снегирева</i> . . . . .	58
Значеніе окружающей природы въ созданіи мѣтовъ, <i>Буслаева</i> . . . . .	59
Главные основы и процессъ образованія народнаго эпоса, <i>его же</i> . . . . .	61
Историческое развитіе характеровъ и идеаловъ русскаго эпоса, <i>его же</i> . . . . .	63
Внѣшнее и внутреннее единство богатырскаго эпоса, древнѣйшія и позднѣйшія условія, опредѣлившія характеръ его, <i>О. Миллера</i> . . . . .	65
Измѣненіе былинъ подъ вліяніемъ времени, <i>Майкова</i> . . . . .	67
Значеніе былинъ, <i>Буслаева</i> . . . . .	68
Русскія былины въ историко-географическомъ отношеніи, <i>Квашинина-Самарина</i> . . . . .	70
Народный бытъ и поэзія предъ судомъ современной литературы, <i>Буслаева</i> . . . . .	76
Старшіе богатыри, <i>его же</i> . . . . .	81
Стѣхійные богатыри рѣкъ и мѣстеческія представленія животныхъ, <i>Буслаева</i> . . . . .	83
Святогоръ, <i>О. Миллера</i> . . . . .	84
Вольга-Буслаевичъ, <i>его же</i> . . . . .	85
Женщина-героиня древнѣйшаго и позднѣйшаго народн. эпоса, <i>Буслаева</i> . . . . .	86
Женскіе типы въ былинахъ, <i>Майкова</i> . . . . .	90
Младшіе богатыри и ихъ историческая эпоха, <i>Буслаева</i> . . . . .	92
Характеристика былинъ Владимірова цикла, <i>Майкова</i> . . . . .	94
Время и мѣсто сложенія былинъ Владимірова цикла и ихъ историческое и нрав- ственное значеніе для народа, <i>его же</i> . . . . .	97

	<i>Стран.</i>
Значеніе Кіева въ былинахъ о младшихъ богатыряхъ, <i>Буслаева</i> . . . . .	98
Илья Муромецъ, <i>Майкова</i> . . . . .	100
Добрыня Ничитичъ, <i>его эсс.</i> . . . . .	103
Новгородскіе богатыри, <i>Буслаева</i> . . . . .	105
Василій Буславъ, <i>Костомарова</i> . . . . .	106
Историческія пѣсни, <i>Караулова</i> . . . . .	116
Художественно-бытовое значеніе сказки, <i>Котляревскаго</i> . . . . .	118
Нравственное и педагогическое значеніе сказокъ, <i>Аванасьева</i> . . . . .	119
Процессъ образованія и подопачненія сказки, <i>Буслаева</i> . . . . .	121
Отличіе сказки отъ былины, <i>О. Миллера</i> . . . . .	123
Различіе между сказками и пѣснями (былинами), <i>К. Аксакова</i> . . . . .	125
Отношеніе сказки къ другимъ видамъ эпической поэзіи, <i>О. Миллера</i> . . . . .	127
Значеніе сказокъ по отношенію къ животному эпосу, <i>Пыпина</i> . . . . .	128
Заканчанія, <i>Ефименко</i> . . . . .	131
Главнѣйшіе періоды въ историческомъ развитіи пословицы, <i>Буслаева</i> . . . . .	133
Мифологическое и эпическое значеніе пословицы, <i>его эсс.</i> . . . . .	134
Загадки и пословицы, <i>Садовникова</i> . . . . .	136
Погребальныя почести въ сознаніи индо-европейскихъ народовъ, <i>Котляревскаго</i> . . . . .	138
Значеніе похоронныхъ причитаній русскаго народа, <i>Е. Барсова</i> . . . . .	140
Возвратія славянъ-язычниковъ на душу и ея загробное существованіе, <i>Котляревскаго</i> . . . . .	141
Погребальныя обычаи языческихъ славянъ, <i>его эсс.</i> . . . . .	145
Происхожденіе апокрифовъ, <i>Порфирьева</i> . . . . .	151
Распространеніе, характеръ и значеніе апокрифовъ, <i>его эсс.</i> . . . . .	152
Голубиница книга, <i>О. Миллера</i> . . . . .	155
Егорій Храбрый, <i>О. Миллера, Порфирьева</i> . . . . .	158
Св. Георгій въ предсталеніи славянскихъ народовъ, <i>Фоминицына</i> . . . . .	165
Егорьевъ день, <i>Иурличникова</i> . . . . .	168

## КНИЖНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Великое значеніе въ исторіи нравственныхъ силъ и значеніе первоучителей славянскихъ въ исторической жизни и развитіи племенъ, <i>Иванцова-Платонова</i> . . . . .	171
Кирилль и Мефодій въ ихъ апостольской дѣятельности, <i>Е. Барсова</i> . . . . .	173
Значеніе славянскихъ первоучителей для русскаго народа, <i>его эсс.</i> . . . . .	179
Значеніе церковно-славянскаго языка для русскаго литературнаго, <i>Буслаева</i> . . . . .	182
Вліяніе христіанства на нравы и вѣрованія народа, <i>Знаменскаго</i> . . . . .	184
Общій характеръ и направленіе древне-русской книжной, словесности, <i>Порфирьева</i> . . . . .	186
Вліяніе вѣсть болгарской письменности, <i>Палаузова</i> . . . . .	190
Вліяніе Византіи на Русь, <i>Пыпина</i> . . . . .	195
Поученіе Луки Жидиты, <i>Митр. Макарія</i> . . . . .	208
Слово Иларіона «О законѣ и благодати», <i>его эсс.</i> . . . . .	209
Значеніе словъ Иларіона и Луки Жидиты, <i>О. Миллера</i> . . . . .	216
Созиненіи Феодосія, <i>Е. Голубицкаго</i> . . . . .	217
Значеніе поученій Феодосія, <i>О. Миллера</i> . . . . .	219
Ирре-обиній Феодосій, какъ писатель, <i>Митр. Макарія</i> . . . . .	220
Кирилль турецкій и его проповѣди, <i>О. Миллера</i> . . . . .	221
Содержаніе и аналитъ словъ Кирилля турецкаго, <i>Шевырева</i> . . . . .	223
Поэтическое и характеръ словъ Кирилля турецкаго, <i>Митр. Макарія</i> . . . . .	228
Библиейское и византійское вліяніе въ сочиненіяхъ Кирилля турецкаго, <i>Сухомлинова</i> . . . . .	—

	Стран.
Поученія Серапіона, епископа владимирскаго, <i>Порфирьева, Митр. Макарія</i> . . . . .	232
Составъ и характеръ лѣтописи, <i>Сухомлинова</i> . . . . .	235
Характерныя черты нашей древней лѣтописи, <i>Соловьева</i> . . . . .	247
Литературное значеніе лѣтописи Нестора, <i>Порфирьева</i> . . . . .	250
Убѣжденія лѣтописца, <i>Срезневскаго</i> . . . . .	254
О русскихъ лѣтописяхъ, <i>Костомарова</i> . . . . .	257
Значеніе лѣтописи въ общественной жизни нашихъ предковъ и различныя ея виды (государственная, семейная, монастырская и литературная), <i>Бьялева</i> . . . . .	260
Содержаніе Поученія Владимира Мономаха, <i>Соловьева</i> . . . . .	267
Содержаніе и значеніе Поученія Владимира Мономаха, <i>Протопопова</i> . . . . .	268
Владимиръ Мономахъ по лѣтописи, <i>О. Миллера</i> . . . . .	278
Владимиръ Мономахъ по лѣтописи, <i>Протопопова</i> . . . . .	279
Общее содержаніе, идея и форма Слова о полку Игоревѣ, <i>Е. Барсова</i> . . . . .	281
Общій характеръ и духъ Слова, <i>Максимовича</i> . . . . .	286
Историческая сторона Слова, <i>Порфирьева</i> . . . . .	295
Поэтическая сторона Слова, <i>Шевырєва</i> . . . . .	297
Образъ выраженія Слова, <i>Максимовича</i> . . . . .	300
Личность и міросозерцаніе лѣтца Слова о полку Игоревѣ, <i>Стоюнина</i> . . . . .	306
Путешествіе игумена Даниїла, <i>Е. Голубинскаго</i> . . . . .	309
Паломничество, <i>Иконникова</i> . . . . .	312
Паломничество на Русь, <i>Тихонравова</i> . . . . .	315
Паломничество и крестовые походы, <i>Терновскаго</i> . . . . .	316
Слово Даниїла Заточника, <i>О. Миллера</i> . . . . .	319
Слово Даниїла Заточника, <i>Порфирьева</i> . . . . .	320
Симонъ и Поликарпъ, <i>Викторовой</i> . . . . .	323
Посланія Симона и Поликарпа и значеніе Киевопечерскаго патерика, <i>Митр. Макарія</i> . . . . .	327
Патерикъ и его содержаніе, <i>Е. Голубинскаго</i> . . . . .	333
Житія въ отношеніи къ другимъ литературнымъ памятникамъ, <i>Буслаева</i> . . . . .	341
Иночество и его идеалы, <i>Терновскаго</i> . . . . .	342
Значеніе Киевопечерскаго монастыря, <i>Митр. Макарія и Шевырєва</i> . . . . .	343
Культурное значеніе монастырей, <i>Иконникова</i> . . . . .	345
Образовательное значеніе монастырей, <i>его же</i> . . . . .	346
Нравственное значеніе монастырей, <i>его же</i> . . . . .	349
Повѣданіе о Задонскомъ боѣ, <i>Тимовеева</i> . . . . .	350
Задонщина, <i>его же</i> . . . . .	358
Слово о Димитріи Ивановичѣ, <i>его же</i> . . . . .	361
Объ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ, <i>Шыпина</i> . . . . .	362
Содержаніе повѣсти о Царьградѣ и ея значеніе, <i>Срезневскаго</i> . . . . .	366
Содержаніе Хожденія за три моря Аванасія Никитина, <i>Шевырєва</i> . . . . .	373
Значеніе Хожденія за три моря Аванасія Никитина, <i>И. Срезневскаго</i> . . . . .	377
Нравственно-обличительныя сочиненія Максима Грека, <i>Иконникова</i> . . . . .	378
Максимъ Грекъ, какъ писатель, <i>Митр. Макарія</i> . . . . .	389
Церковныя настроенія и постановленія Стоглаваго собора, <i>Соловьева</i> . . . . .	392
Характерныя предписанія Домостроя, <i>его же</i> . . . . .	397
Содержаніе Сильвестрова Поученія сыну и характеристика автора, <i>его же</i> . . . . .	401
Значеніе Домостроя, <i>Порфирьева</i> . . . . .	405
Записки Курбскаго о Грозномъ, <i>Дашнюкова</i> . . . . .	407
Грозный въ своей перепискѣ съ Курбскимъ и въ его исторіи, <i>Соловьева</i> . . . . .	408
Посланіе Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, <i>Водовозова</i> . . . . .	412
Дѣятельность іезуитовъ въ западно-русскомъ краѣ, <i>Митр. Макарія</i> . . . . .	416
Вліяніе іезуитовъ на просвѣщеніе въ Польшѣ, <i>Пекарскаго</i> . . . . .	424
Вліяніе Польши на просвѣщеніе юго-западной Руси, <i>его же</i> . . . . .	429

	<i>Стран.</i>
Православныи церковныи братства въ юго-западной Россіи, <i>Флерова</i> . . . . .	431
Кіево-могилинскіи коллегіи, <i>Аскоменскаго</i> . . . . .	436
Кіево-могилинскіи коллегіи и ея значеніе въ XVII вѣкѣ, <i>Митр. Макарія</i> . . .	447
Характеристика южно-русской литературы XVII вѣка и ея представители, <i>Сумцова</i> . . . . .	453
Построеніе южно-русской проповѣди, <i>Тершовскаго</i> . . . . .	456
Источники южно-русской проповѣди, <i>его же</i> . . . . .	464
«Ключъ разумѣнія» Галлятовскаго, <i>Сумцова</i> . . . . .	476
Наука о проповѣдяхъ и проповѣди Іоаннікія Галлятовскаго, <i>Порфирьева</i> . . . .	478
Средневѣковыи мистеріи въ Европѣ и Россіи, <i>Пекарскаго</i> . . . . .	483
Вертепная драма, <i>Тихонова</i> . . . . .	487
Южно-русскія драма, <i>Архангельскаго</i> . . . . .	493
Драма въ Москвѣ, <i>его же</i> . . . . .	500
Школьная драма, <i>Тихонова</i> . . . . .	507
Подомшечкаи борьба кіевскихъ ученыхъ съ московскими въ XVII вѣт., <i>Образцова</i> . .	509



# Народная словесность.

## Обрядовыя и бытовыя пѣсни.

### Языческая религія русскихъ славянъ.

Вся природа для язычника была великимъ храмомъ всеобщей жизни. Не стихіямъ и не явленіямъ природы, а явленіямъ жизни язычникъ и творилъ поклоненіе. Многообразіе его божествъ вполне зависѣло отъ многообразія явленій самой жизни. А онъ, исполненный чувства жизни, встрѣчалъ ея обликъ повсюду, и не было предмета въ окружающемъ мірѣ, который бы не свѣтился ему живою мыслью, не являлся живою волею и живымъ намѣреніемъ. Въ этомъ созерцаніи и скрывались источники языческаго удивленія и поклоненія матерн-природѣ, источники такъ называемаго идолопоклонства. Здѣсь же скрывалась, такъ сказать, и вся система языческаго міровоззрѣнія, пониманія всѣхъ вещей: тамъ, гдѣ мы только изучаемъ и наблюдаемъ, язычникъ благоговѣлъ и возсылалъ моленія; тамъ, гдѣ мы находимъ только прекрасное, изящное, поэзію, онъ видѣлъ самое божество.

Его небо, его солнце съ своей недосыгаемой высоты глядѣли на него живыми очами безпредѣльной отеческой любви и заботились обо всемъ, чего только желалъ этотъ робкій, но очень внимательный ихъ сынъ. Ихъ случайный гнѣвъ былъ гнѣвъ отца, котораго любовь и милость къ родному дѣтнцу были безпредѣльны. Свѣтлыя звѣзды наблюдали самый часъ рожденія этого дѣтнца и опредѣляли судьбу всей его жизни. Со всею природою онъ велъ нескончаемый разговоръ, или призывая на свои поля и въ свою хранищу ея благодать и всякое добро, или отгоняя отъ себя ея вражду и ненавнеть. Все въ природѣ жило съ человѣкомъ человѣческими же мыслями и чувствами и бодрствовало человѣческою волею.

Само собою разумѣется, что, обожая природу, создавая себѣ на каждомъ шагу новые кумиры, претворяя свои первыя познанія и созерцанія, первые помыслы о мірѣ и о самомъ себѣ въ живые

образы поэтического религіознаго чувства, язычникъ въ своей міеологіи и въ своихъ вѣрованіяхъ выражалъ и изображалъ только то, что существовало передъ его глазами и что существовало въ немъ самомъ, въ устройствѣ его мысли, чувства, нрава и всего быта. Неопровержимая истина, что какова природа и каковъ человѣкъ, наблюдающій и испытывающій природу, таковы должны быть и его вѣрованія, таковы и его міеи, таковы его боги. Поэтому язычество каждаго народа есть какъ бы зеркало, отражающее въ себѣ ликъ той страны, гдѣ живетъ язычникъ, и ликъ его быта домашняго, общественнаго и политическаго во всѣхъ подробностяхъ. Чего не существуетъ въ странѣ и въ быту язычника, того не существуетъ и на его Олимпѣ, въ святилищѣ его боговъ, въ кругу его міеическихъ созерцаній.

На европейской почвѣ особенное поэтическое богатство міеологіи выразилось въ двухъ мѣстахъ: на греческомъ югѣ и скандинавскомъ сѣверѣ; и тамъ и здѣсь на средиземныхъ моряхъ. Выразилось оно въ равной мѣрѣ сильно по той причинѣ, что и тамъ и здѣсь человѣкъ былъ поставленъ самою природою почти въ одинакія условія мѣстности и жизни. Полуостровная и многоостровная приморская страна, очень богатая просторомъ мореходства и передвиженія во всеѣ окружающія мѣста, и тамъ и здѣсь уносила человѣка и самымъ дѣловымъ и еще болѣе воображеніемъ въ такіе далекіе края, о которыхъ, какъ говорится, ни въ сказкѣ сказать ни перомъ написать. Отсюда, конечно, самъ собой нарождается и поэтическій просторъ для міеосозерцанія и для могущества народной фантазіи. Однако, природа той и другой страны наложила неизгладимую печать на міеическое творчество человѣка и рѣзко обозначила предѣлы и характеръ суроваго и мрачнаго сѣвера Скандинавіи и свѣтлаго и любовнаго юга Греціи. Пришесенные изъ далекой прародины первичные міеи этихъ странѣнцевъ и на сѣверѣ и на югѣ были воздѣланы въ томъ особомъ характерѣ, какой вала сама природа каждой страны. Точно такъ и принеише въ наши мѣста славяне, живя въ этой равнинѣ, подъ этимъ небомъ, только были воздѣлывать свое принесенное переродное міеосозерцаніе въ томъ особомъ характерѣ, какимъ отличалась сама зѣмляная природа. Русская природа не изумляла человѣка своими извѣсти. Ничего чрезвычайнаго, захватывающаго вниманіе, она не представляла ни для мысли ни для чувства. Прежде всего, въ общемъ своемъ очеркѣ, который всегда запечатлѣвается въ народныхъ созерцаніяхъ, это была пустыня, тихое, спокойное, безразное, почти безконечное, повсюду разнообразное раздолье на югѣ и на сѣверѣ — дикаго дремучаго лѣса и болота. И гдѣ и здѣсь шатливая мысль ни гдѣ и ни надъ чѣмъ не могла особенно сосредоточиться. Все здѣсь просто и обыкновенно. Если что и поражаетъ, то разлѣ, одна беззѣрная ширина картины. Но мысль и воображеніе, ухѣривъ въ згогъ глубокій, олицообразный, неподвижный просторъ, совсѣмъ теряются въ немъ и въ недоумѣніи безмолвствуютъ,

какъ сама пустыня. Въ этой равнинной ширинѣ, кажется, самое небо разстлается какъ-то низменнѣе, приземистѣе, совсѣмъ не въ такой красотѣ, какъ въ иныхъ странахъ, гдѣ горы и моря возносятъ его величавый сводъ несравненно выше и глубже въ даль мірового пространства. Для поэтического міра созерцанія поднебесной высоты въ нашей равнинѣ не доставало тѣхъ именно горныхъ и морскихъ красотъ и чудесъ природы, которыя всегда дѣйствуютъ неотразимо на развитіе мнѣческаго творчества. Очень естественно, что въ нашей равнинѣ самые босп. должны были отличатся тѣмъ ровнымъ и спокойнымъ характеромъ своего могущества, какой господствовалъ въ самомъ ландшафтѣ всей страны.

Въ нашемъ родномъ ландшафтѣ во всѣхъ его очертаніяхъ мы прежде всего видимъ необычайное спокойствіе, ту сельскую и деревенскую тишину, которая охватываютъ сердце какимъ-то миролюбивымъ тепломъ, вовсе не вызывающимъ ни на какую борьбу и битву. Никакого воздвиганія воли, никакой величавой далекой высоты, уносящей къ себѣ помыслы человѣка, здѣсь не видно. Всѣ наши помыслы исчезаютъ тутъ же, посреди этого ровнаго и спокойнаго небосклона.

Чрезвычайная красота или чрезвычайное чудо природы, которыя изумляютъ наше вниманіе, есть, во-первыхъ, наши рѣки, отчасти озера; ихъ высокіе, крутые берега суть наши горы. Затѣмъ дремучій лѣсъ, закрывающій нашъ горизонтъ, гремучій ключъ, студеный колодець, родникъ, орошающій наше поле; глубокій, поросшій лѣсомъ оврагъ или безпредѣльное болото, даже каменная глыба, гдѣ-либо спокойно лежащая посреди чистаго поля — вотъ чудеса и красоты нашего ландшафта. Все это находится подъ рукою и не уноситъ воображенія въ высь и въ даль, къ тѣмъ поэтическимъ мечтаніямъ и созерцаніямъ, которыя создаются при иныхъ, болѣе рѣзкихъ и болѣе сильныхъ очертаніяхъ природы. Нашему воображенію не отъ чего пылать и разгораться, нашей мысли не надъ чѣмъ особенно работать и не съ кѣмъ бороться.

Горы наши не распадаются суровыми и мрачными скалами скандинавскаго сѣвера; солнце наше не горитъ египетскимъ или индійскимъ огнемъ, и наши звѣзды не блистаютъ египетскимъ окомъ звѣзды Сиріуса; ни звѣрь, ни растеніе, ни гадъ, ни цвѣтокъ не поражаютъ нашего воображенія какими-либо чрезвычайными дивами и чудами. Въ нашемъ равнинномъ ландшафтѣ самое разительное, единственное явленіе природы, которое наиболѣе изумляло и поражало человѣка, была гроза, громовая туча, сверкающая молніями. Это явленіе повсюду, у всѣхъ народовъ, было первою причиною, которая заставила почувствовать небесное существо вполне живымъ, имѣющимъ волю и намѣреніе и грозный всемогущій образъ. Повсюду человѣкъ его понималъ не иначе, какъ поклоненіемъ, обожаніемъ. Но въ другихъ странахъ было много другихъ чудесъ природы, и потому явленіе грозы тамъ скоро стало рядомъ съ другими чудными дѣлами неба

и земли. Напротивъ того, въ нашей странѣ грозный и благодатный Перунъ былъ единымъ живымъ существомъ, которое въ истинномъ смыслѣ казалось господиномъ неба и земли. Нѣтъ сомнѣнія, что и мнѣн и имя Перуна славяне принесли еще изъ своей арійской прародины, отдалившись отъ своихъ азіатскихъ родичей, вѣроятно, еще въ то время, когда Перунъ и у нихъ былъ господствующимъ божествомъ.

Оттуда они принесли и имя Сварога, который означалъ небо, свѣтъ небесный; означалъ верховнаго небеснаго бога, бога боговъ, бога въ отвлеченномъ смыслѣ, потому что небесный сводъ, какъ пространство, невозможно было представить въ опредѣленныхъ, законченныхъ чертахъ какого-либо живого образа. Это былъ богъ неба, богъ-свѣтъ, какъ обнаруживается и по корнямъ Сварогова имени. Это былъ прабогъ, великій старѣйшій богъ, небесное естество. Можно полагать, что другіе боги неба, происходя отъ единаго небеснаго, представляли въ своемъ существѣ только особые образы того же Сварога — неба, были только Сварожичами, дѣтми Сварога, почему въ представленіяхъ и понятіяхъ народа сливались въ одно существо съ своимъ отцомъ. Вотъ почему византіецъ Прокопій еще въ половинѣ IX вѣка могъ весьма справедливо замѣтить, что славяне поклонялись одному Богу, единому вселенной, творцу молніи. Здѣсь слиты понятія о Сварогѣ и Перунѣ, потому что такъ они должны были представляться и въ воззрѣніи язычника.

Явленіе грозы, грома и молніи, этой Божьей милости, какъ и донынѣ говоритъ народъ, хотя и обозначалось особымъ именемъ Перуна, но оно все-таки было небеснымъ явленіемъ, дѣломъ и дѣйствіемъ небеснаго божества. Поэтому очень естественно, что Перунъ въ своемъ значеніи сливался съ именемъ Сварога. Это тотъ же Сварогъ, означаемый Перуномъ только по особому качеству своего небеснаго дѣла. Это не болѣе какъ грозное и благодатное хожденіе въ небесной высотѣ самого Сварога.

Очевидно, что въ мнѣн Перуна язычникъ поэтически олицетворялъ жизнь неба, т.-е. дѣйствующую и ходящую силу грозы. Но главнымъ образомъ съ этимъ явленіемъ онъ связалъ свои понятія и представления о жизни земли, какъ эта земля проявлялась и была зависима отъ небеснаго хожденія молніи и грома. Онъ скоро выразумѣлъ, что это чудо природы производитъ на землѣ дѣйствительныя чудеса, и если въ единичныхъ случаяхъ грозить и поражаетъ, зато въ общемъ своимъ дѣяніемъ разноситъ и разливаетъ по всей землѣ ядучую благодать плодородія и великаго земнаго обилія. Только съ этимъ живымъ образомъ небеснаго божества язычникъ явственно могъ подѣлать благое плодородящее сплюсхождение неба на землю и потому объявлялъ Перуна высшимъ божествомъ, главнѣйшимъ дѣятелемъ земной жизни.

Совѣмъ иное представленіе должно было существовать о солнцѣ. Перунъ въ раскатахъ грома, блистая молніями, торжественно про-

ходилъ и скрывался до неизвѣстнаго времени. Солнце, огненное небесное тѣло, каждый день восходитъ и заходитъ, каждый годъ уходитъ и приходитъ, сотворяя теплое лѣто. Это не само небо — звѣздная высота и широта, гдѣ пребываетъ Сварогъ, сходящій на землю грозою Перуна; это какъ бы записное, подчписанное ему свѣтило, которое, очевидно, сынъ Сварога, Дажь-богъ, какъ именуется его лѣтопись и поэтическое Слово объ Игорѣ. Дажь происходитъ отъ санскритскаго dag, горѣть, жечь, и родственно съ готскимъ dags, Tag — день, и съ славянскимъ (хорутанскимъ) дъ ж и ц а — равнинная зоря, слѣдовательно, это богъ — Свѣтъ-День.

Другое имя солнцу было Хорсъ, имя древне-персидское: Кирость, Корость, Курость; ново-персидское Хоръ или Хуръ — имя, вообще указывающее на тѣсныя связи и сношеніе восточныхъ славянъ съ древне-персидскими странами по Каспійскому морю и за Кавказомъ, откуда оно могло распространиться и по нашей странѣ, если не принесено еще вмѣстѣ съ Перуномъ.

Но въ славянскомъ мнѣческомъ языкѣ существуетъ слово, родственное этому имену и по корнямъ и по смыслу. Это Къ р т ѣ — огонь, свѣтъ, солнце, а также слово Кр ѣ с ѣ, означающее пламя, огонь. Съ мнѣческимъ именемъ Хорса связаны слова хороводъ или короводъ.

Другой сынъ Сварога былъ Сварожичъ — Огонь, въ его земномъ видѣ. Имѣлъ ли онъ свое особое мнѣческое имя, или прозывался только по батюшкѣ, неизвѣстно.

Въ сонмѣ русскихъ мнѣвъ, по лѣтописи, послѣ Перуна занимаетъ второе мѣсто Хорсъ-Дажь-богъ. Но тотъ же лѣтописецъ, излагая договоры съ греками Олега и Святослава, упоминаетъ на второмъ мѣстѣ, подлѣ Перуна, Волоса, или, какъ у западныхъ славянъ, Велеса, скотьяго бога. По соображеніямъ, весьма основательнымъ, изслѣдователи признаютъ въ этомъ божествѣ солнце, т.-е. новое имя того же Хорса-Дажь-бога. Подобно Аполлону, это богъ плодородія земли, покровитель земледѣлія и скотоводства и всякой паствы, высокій и великій пастухъ, Панъ, точно такъ же игравшій на гусляхъ, почему и вѣщій Боянъ, соловей стараго времени, какъ вѣщій поэтъ-гусляръ, именуется (въ Словѣ о полку Игоревомъ) внукомъ Велеса. Какъ скотскій богъ, онъ несомнѣнно почитался и покровителемъ богатства и торговыхъ прибытковъ, тѣмъ болѣе, что главнѣйшій товаръ русской земли состоялъ изъ мѣховъ и звѣриныхъ шкуръ.

Въ лѣтописи, въ Словѣ о полку Игоревомъ и въ Словахъ или поученіяхъ противъ идолопоклонства упоминается еще божество Стри-богъ, существо котораго обозначается отчасти тѣмъ, что вѣтры представляются его внуками, слѣдовательно, и самъ дѣдушка былъ вѣтеръ. Можно полагать, что это божество особенно почиталось во время плаванія. Само собою разумѣется, что этими именами не исчерпывалось все богатство языческаго поклоненія и лицетворенія. Въ старой письменности и въ устахъ народа остается еще много именъ, мнѣ-

ческое значеніе которыхъ несомнѣнно, но смыслъ которыхъ трудно объяснить.

Чтобы янѣе себя представить живой обликъ каждого мѣа, т.-е. всѣ живыя черты языческаго поклоненія и живой кругъ вѣрованій въ тотъ или другой мѣонческій образъ природы, необходимо имѣть въ виду общія основы языческаго міросозерцанія. Язычникъ обожалъ природу, но въ природѣ, какъ мы упоминали, онъ обожалъ, въ сущности, только единое существо — онъ обожалъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, почему и самую смерть необходимо представлялъ себя въ живомъ образѣ. Поэтому оставшіяся намъ глухія имена разныхъ божествъ мы можемъ хотя нѣсколько раскрыть, если вникнемъ въ смыслъ мѣоовъ, еще доселѣ живущихъ подъ именами домового, воинного, лѣснаго, русалки и т. п. Всѣ они — представители или выразители языческихъ и болѣе всего поэтическихъ понятій и представлений о кругѣ жизни, въ которомъ сосредоточиваются тѣ или другія дѣйствія жизни.

Такъ, въ образѣ домового олицетворялась жизнь дома, совокупность невѣдомыхъ и непостижимыхъ явленій, причинъ, дѣйствій волею домашнего очага. Язычникъ не умѣлъ понять, отчего его дворовая скотина добрѣетъ, отчего вдругъ худѣетъ, отчего поднимается во дворѣ невѣдомый трескъ, неожиданный переполохъ между тою же скотиною и домашнею птицею, отчего извѣстный цвѣтъ скотины не приходится ко двору: она гибнетъ, какъ ни сохраняя и что ни дѣлаетъ. И такъ идетъ безконечный рядъ различныхъ примѣтъ, объясняющихъ только одно, что здѣсь всѣмъ дѣломъ заправляетъ какая-то невѣдомая сила, невѣдомая воля. Съ другой стороны, въ образѣ домового олицетворялась совокупность хозяйскихъ желаній, стремленій и вѣческихъ заботъ, чтобы въ дому все было хорошо и благодатно. Навѣстно, что существующій въ дому очагъ или печка представляють какъ бы корень или сердце самаго дома и всего двора. Здѣсь сохраняется существенная благодать всего жилища, согревающая во время холода, изготовляющая всякую пищу, способная претворять всякое вещество на пользу или удовольствіе человѣку. Огонь и безъ того являлся живымъ существомъ, былъ божичъ, Сварожичъ. Очевидно, что домовой въ нѣкоторомъ смыслѣ былъ самый этотъ домашній огонь, очагъ. При переселеніи въ новую избу язычникъ переносилъ весь этотъ огонь въ видѣ горящихъ угольевъ съ старой печи въ новую съ привѣтомъ: «Милости просимъ, дѣдушка, на новое жильё!»

Обыкновенно домовой являеть за печкою, куда и кладуть ему рогачія жертвы, малыякіе хлѣбцы. Его вообще покармливають, вслѣдствіе чего, хлѣбомъ, кашею, пирогами, лепешками; оставляють ему на печь выкрытый угливъ. Но важнѣйшая для него жертва — это вѣтухъ. Эта жертва его вполнѣ умилостивляетъ, если онъ чѣмъ-либо раздразненъ. Тогда въ полночь коздуиъ рбжетъ вѣтуха, выцускаетъ кровь на голыиъ и голыкомъ выметаетъ всѣ угли въ избѣ